

«Она слышала только рёв собственной крови, и он казался ей грохотом. Так грохочет и ревёт надвигающийся скоростной поезд в ночном кошмаре, когда почему-то нельзя шевельнуть ни рукой, ни ногой, чтобы спастись, отползти с рельсов. Но в кошмаре было не так страшно, была надежда — вот, ещё чуть-чуть, последнее усилие и удастся пошевелиться, и ужас отступит.

Никакой надежды. Никакого сна. Всё происходит здесь и сейчас — наяву.

Она вдруг мимоходом удивилась — ну да, наяву. И именно с ней. В эту минуту.

Она прислушалась, но из-за пульсации и стука в ушах ничего не было слышно.

Она сглотнула сухую, как папиросная бумага, слюну, помедлила и выглянула из своего укрытия.

Ничего не видно, только плотный серый туман висел над берегом. Наверняка в такой оглушительной тишине рёв её скоростного поезда слышен издалека, и он её выдаст!..

Она вновь прижалась спиной к стене старого лодочного сарая.

Медлить нельзя, нужно спастись, но как, как?..

Впереди река, но её не переплыть, не одолеть течение и водовороты. Дальше по берегу, кажется, камыши и болото, не выбраться. Назад никак нельзя, там... они.

Остаётся сарай.

Очень осторожно, перебирая по влажным шершавым доскам обеими руками, словно слепая, она двинулась вдоль стены. Лишь бы не сломалась под ногами ветка, не скрипнула предательски старая доска!..

Щелястая дверь держалась на одной петле и была зачем-то подперта доской, но внизу оставался проём. Она стала на четвереньки и проворно забралась внутрь.

Здесь тоже висел туман, напозвший с реки, и было сумрачно.

Она села на пятки и огляделась — две перевернутые лодки, какой-то запущенный верстак, в углу навалены рыболовные сети.

Убежище так себе. Совсем никудышное. Если начнут стрелять, стены моментально разлетятся в щепки и ни от чего не укроют.

Она потрогала лодку, покачала туда-сюда. Очень тяжелая, словно дубовая. Под неё не подлезть.

Разве бывают дубовые лодки?..

У кого-то из поэтов было про дубовый чёлн, а может, он был не дубовый, а утлый, она забыла.

— Да некуда ей деваться, — громко сказали совсем рядом, словно говорящий стоял над ней. — Здесь где-то.

— А может, через реку махнула?

— Щас!.. Там верная смерть, течение даже мужик не одолеет!

— Так может, утопла?

— Это бы хорошо, возни меньше. Эй, тут халабуда какая-то, взглянуть надо!

— Да точно она в воду кинулась! Баба же! Мозгов нет!

Девушка в сарае изо всех сил потянула на себя какую-то железяку, и лодка вдруг мягко перевернулась, оставив на земляном полу гору полуистлевших сетей. Девушка нырнула в лодку и мгновенно завалила себя серыми гнилыми верёвками.

В эту секунду дверь сарая распахнулась и, нагнувшись, вошёл высокий человек с винтовкой в руке.

— Ну чего там?! — прокричали снаружи.

— Да вот смотрю! — Высокий пнул ногой лодку. Она закачалась, закрипела, но устояла. Девушка не издала ни звука.

Он подошёл ко второй лодке и заглянул под неё.

— Куда баба делась, — пробормотал он, — хрен поймёшь!..

— Чего там у тебя?

— Нет её тут!

— Говорю, вплавь решила!..

— Как это теперь проверить?!

— Не будем мы проверять!

— А если в кустах засела?

— Все кусты мы излазили!

Высокий человек ещё раз оглянулся вокруг, ткнул дулом карабина в старые сети. Дуло упёрлось в лодочное дно в сантиметре от её лица. Она зажмурилась.

— Хорош, пойдём отсюда!..

Высокий длинно выматерился, ударил ногой покосившуюся дверь и вышел из сарая.

Девушка лежала, заваленная сетями, боясь открыть глаза».

Тонечка поставила точку, моргнула, прогоняя из головы серый речной туман, старые лодки и бандитов.

На сегодня, пожалуй, хватит. Она сделала всё, что могла, и даже немножко больше.

— Я люблю тебя, жизнь, — пропела она фальшиво и потянулась, — что само по себе и не ново! Я люблю тебя, жизнь, я люблю тебя снова и снова!..

В гостиничном номере было сумрачно — горела только настольная лампа. Который может быть час?.. Сколько она просидела за работой?

Впрочем, какая разница! Работа срочная, сценарий, как обычно, был нужен позавчера, съёмочный процесс запустить никак не могут, потому что сценарий не написан. Вот и призвали Тонечку, как лучшего сценариста, чтобы она написала быстро и качественно. Она согласилась — уж очень хорошие деньги пообещали за «быстро и качественно», так что теперь не имеет значения, сколько часов в день ей придётся просиживать за работой — взялся за гуж, не говори, что не дюж...

...И всё-таки какой там был чёлн, в стихах? Дубовый или утлый?... Или тот и другой?

Ей очень хотелось есть, пить, лечь, закрыть глаза и ни о чём не думать.

Так есть и пить — или лечь и закрыть глаза?..

Она посмотрела в окно — на фонари и старинное здание театра. Этот театр она обожала и, приезжая в Нижний Новгород, всегда старалась попасть на спектакль.

Нужно будет Сашу сводить, он наверняка никогда не был в Нижегородском театре драмы!..

Тут она вдруг сообразила.

— Позвольте, — сказала она с громким удивлением. — А где мой муж?!

Муж уехал в гости к «старому другу», и это было... Тонечка посмотрела на время... Часов шесть назад, ничего себе!..

Она включила телевизор, позвонила на мужнин телефон, который, ясное дело, только уныло гудел ей в ухо.

— Александр Наумович, — сказала она телефону, — где вы есть-то?.. Отзовитесь!..

Абонент не отвечает, любезно сказал телефон женским голосом и предложил оставить сообщение после звукового сигнала.

Тонечка никаких сообщений оставлять не стала. Её муж никогда не пользовался автоответчиком.

...Или спуститься вниз, в ресторан? В этом отеле превосходный круглосуточный ресторан! Вчера по приезде они наужинались так, что Тонечка поклялась себе, что никогда в жизни больше куса в рот не возьмёт.

В принципе.

...Или принять душ и лечь? Если она ляжет, то сразу уснёт, а тут как пить дать явится муж-объелся-груш, разбудит, а потом она уж точно не заснёт!

— Как всегда в это время, — сказали из телевизора магическим голосом, — шоу «Любит — не любит» и его ведущая Гелла Понтийская. Представляю вам моих сегодняшних гостей.

— Какая ведущая? — заинтересованно спросила Тонечка у телевизора. — Как её звать? Гелла?!

Ведущая была «норм», как выражаются Тонечкины продвинутые дети: длинноногая, волоокая, грудастая и губастая. На Геллу, конечно, не тянет, но зато очень, очень современная красавица.

«Как вы узнали, что муж вам изменяет?» — пыталась ведущая смирную тётку лет шестидесяти. Тётка волновалась, цветастое платье ходило на ней ходуном.

«Дак я и не знала! Мне уж соседка сказала, Марья Павловна! Ваш-то, говорит, прощельга, тихий-тихий, а на седьмой этаж шастает к Светке-козе!»

«И вы решили сделать тест ДНК», — подсказала Гелла.

«Я решила на лысину ему плюнуть, вот что я решила!» — рассердилась тётка.

Тонечка захохотала:

— Зачем ей тест ДНК? — спросила она у ведущей в телевизоре. — Чтобы установить, её муж или не её на седьмой этаж шастает?

Впрочем, тесты ДНК захватили нынче не только центральные каналы, но и региональные тоже. Господи, кто это смотрит, ну вот кто?!

— Ты же и смотришь, — сказала себе Тонечка и опять захохотала. — В данную минуту.

Она решила позвонить в ресторан и заказать еды в номер, даже трубку сняла, но тут в коридоре что-то с грохотом упало и как будто посыпалось, бабахнуло в стену.

Она подбежала и распахнула дверь. И взвизгнула.

Какая-то туша ворочалась на гостиничном ковре, пытаясь подняться. На голову туши была почему-то надета дикая плетёная шляпа, а вокруг рассыпаны яблоки — много!

— Что такое?! — выпалила Тонечка. — Вам помочь? Вам плохо?!

— Хорошо-о-о! — уверила туша и поднялась, опираясь руками о стену.

Поднявшись, она оказалась собственным Тонечкиным мужем Александром Германом, телевизионным продюсером и режиссёром.

— Я пришёл, — сказал Тонечкин муж, — на своих ногах, заметь!

— Я замечаю, — едва выговорила ошеломлённая Тонечка.

— Я тебе яблоки нёс, но растерял.

— Я нашла, — сказала Тонечка и сняла у него с головы корзину. — Ты проходи, проходи!..

Он ввалился в номер, дублёрка волоклась за ним по полу.

— Вот сюда, сюда давай! Ложись!

Он плюхнулся на кровать, запутался в дублёрке, стянул один башмак, а про второй забыл и полез к Тонечке с поцелуями.

— От тебя разит, как от самогонного аппарата!

Продюсер всех времён и народов нахмурился, на лице его отобразилась работа мысли.

— Не, — в конце концов обиженно сказал он. — Не было никакого аппарата. Мы самогонку не гнали!

Тонечка стащила с него дублёрку.

Он опять потянулся, чтоб поцеловать.

— Иди ты на фиг! — Она оттолкнула его физиономию. — Как ты в лифт зашёл? И кто тебя вёз?!

— Кто-то вёз, — признался Герман. — Я не помню. И яблоки потерял. Вкусные такие яблоки, красные. Кондрат тебе передал, а я потерял.

— Ты зачем корзину на голову надел, алкоголик?

— Я нннеее надевал!

Тонечка отбежала к чемодану, раскопала аптечку, которую всегда брала в поездки, немного там, у чемодана, похотела сама с собой, бросила в стакан четыре таблетки растворимого аспирина и залила их водой.

Когда она вернулась к мужу, тот крепко спал, подложив под щёку башмак.

Тонечка забрала башмак, заставила страдальца сесть и выпить аспириновую воду.

Страдалец хныкал, мотал головой и пить отказывался.

— Нужно сейчас, — уговаривала Тонечка. — Иначе утром совсем плохо будет!

— Будет хорошо! — не соглашался её муж, но в конце концов всё допил.

Тонечка прикрыла его пледом, побежала в коридор и собрала в корзину рассыпанные яблоки. Они на самом деле были очень красивые — крепкие, зимние.

Когда она вернулась, муж, не разлепляя век, спросил строго:

— Зачем ты её позвала?

— Кого? — не поняла Тонечка.

— Эту Геллу из телика.

Тонечка оглянулась на экран, там всюю продолжалось шоу «Любит — не любит».

— Гони её отсюда, — продолжал муж. — Она Ермаю всю жизнь испортила!

— Кто?!

— Гелла из телика. Она его жена.

— У тебя белая горячка, — констатировала Тонечка, — в начальной стадии.

— Что ты, — сказал муж, — нет у меня горячки. Я просто напился.

После чего захрапел так, что занавеска на окне, выходящем на драматический театр, пошла мелкой волной, и унять этот храп до самого утра не было никакой возможности.

Утро началось, как и полагается утру после грандиозной мужской попойки: муж стонал, что больше никогда не будет пить, жена отчитывала его за содеянное и параллельно лечила.

Фраза «Сколько раз я тебе говорила!» была повторена неоднократно.

— Хорошо ещё, я тебя вчера заставила аспирином принять, — говорила Тонечка, выжимая принесённый из ресторана лимон в стакан воды со льдом. — Господи, что за удовольствие так налакаться!

— Да я же не специально, — морщась отвечал Герман. — Мы под разговоры и под закуску хорошую... Он же повар...

— Я знаю, что он знатный повар, ты мне все уши про это прожужжал! — Тонечка подала мужу воды, он жадно припал к стакану. — Только я не понимаю, как это связано! Повар обязательно должен надираться до пороссячьего визга?! Я вообще не понимаю, как ты до номера дошёл, как тебя в отделение не забрали или не ограбили по дороге, честное слово!..

— Тоня, я не специально, — Герман выпил всю воду и теперь налитым кровью глазом косил на стол: там был стратегический запас воды, но о том, чтобы встать, подойти и налить, не могло быть и речи!

Тонечка, сообразив, налила ему ещё и поставила в изголовье кровати целую бутылку.

— У меня первый муж был алкоголик, — напомнила она тихо. — Он допился до психиатрической больницы.

Герман посмотрела на неё. В ушах у него шумело, в горле стояла гадость, голова была тяжёлой и словно пылала.

И тем не менее он рассердился.

— Не нужно никаких сравнений! — ответил он грозно. — Ещё не хватает! Я не алкоголик и не первый муж. Я твой единственный муж, и точка.

Тонечка наклонилась и с сочувствием поцеловала его в небритую щёку.

— Бедный ты мой пьянчужка.

— У меня голова вот с этой стороны болит, как будто я ударился.

— Ты и ударился, — сообщила жена. — Ты упал в коридоре, стукнулся о стену! Рассыпал яблоки и надел на голову корзину.

Он посмотрела на неё.

— Что, серьёзно? Или ты шутишь?

— Ничего я не шучу.

— Вот дела, — протянул Александр Герман задумчиво. — Вообще не помню.

— А ещё ты мне велел прогнать Геллу из телевизора, потому что она жена Ермолая.

— Здесь была Гелла?!

— Саш, хорош дурить, — сказала Тонечка с сердцем. — В телевизоре была ведущая, Гелла Понтийская какая-то! Ты в бреду решил, что она здесь, и велел её прогнать!

— Да я вчера на неё полвечера убил, — Герман сел, осторожно придерживая голову. — Она приехала, такие давала гастроли, прямо образцово-показательные! И что он ей жизнь испортил, и что она несчастная, и что она в соцсетях всем расскажет, как он её избивает!..

— Саш.

— А?

— Ты сейчас о чём говоришь?

— Я тебе рассказываю про Кондрата Ермолаева, моего старого друга, с которым мы вчера вместе пили! Он первоклассный...

— Повар! — перебила Тонечка. — Я знаю! На кого ты убил полвечера и кто давал гастроли?

— Ведущая эта, Гелла! Она его жена.

Тонечка зачем-то оглянулась на телевизор, словно Гелла, жена повара, могла внезапно выскочить оттуда. Телевизор не работал.

— Она приехала в самый... разгар, — продолжал её муж. — И сразу стала беситься и кидаться на Ермолая, а он...

— Он же вроде Кондрат.

— Кондрат Ермолаев он. Смирный мужик, но вчера тоже чего-то разошёлся!

— В смысле?..

— Ну, они почти подрались, — выговорил Герман неохотно. — Как в сериале, которые ты пишешь.

— Саш, я не пишу плохих сериалов!

— Значит, как в хорошем сериале подрались!

Почти.

— Но не подрались?

— Чтоб Кондрат женщину ударил?! Но послать ... послал. И она уехала.

Тонечка налила ему ещё воды и подсыпала льда из ведёрка.

— Ну, муж и жена одна сатана, — сказала она задумчиво. — Всякое бывает...

— Я, видишь ли, к семейным сценам непривычный, — он вдруг улыбнулся. — Ты же мне не закатываешь!

— А она прям... закатывала?

Герман кивнул. Он шумно хлебал воду из стакана.

— А когда она уехала, мы уж всерьёз за дело взялись. Я вообще не помню, на чём ехал, кто меня вёз, как я в лифт зашёл. Яблоки помню, Кондрат за ними в погреб лазал.

— А как ты корзину на голову надел, помнишь? — не удержалась Тонечка.

— Ты её выдумала, эту корзину? Чтоб уж окончательно добить?

Тонечка засмеялась.

— Саш, даже я такого не выдумую! Но это была картина!

— Всё, проехали.

Тонечка промолчала.

...А вот и не проехали, Сашечка, милый! Я теперь эту корзину тебе всю оставшуюся жизнь буду помнить, и ты об этом прекрасно знаешь! Стыдно тебе? Вот и хорошо, вот и постыдись всласть, от души!..

Зазвонил телефон, и супруги стали синхронно озираться по сторонам.

— В дублёнке, — определил Герман. — В кармане.

Тонечка вытащила телефон и подала ему. На экранчике светилась надпись «Ермолай». Лёгкок помине! Он первоклассный повар, нам это известно. Должно быть, опохмелиться нечем. И ухаживать некому, Гелла-то была послана и уехала куда послали!

Герман нажал на телефоне громкую связь и откинулся на подушки.

— Са-ань? — проговорил из трубки грубый, словно больной голос.

Тонечка остановилась и посмотрела на телефон. Что-то случилось, моментально поняла она.

Герман ничего такого не понял.

— Кондрат! Здорово! Ты только глаза продрал?..

— Нет, — ответили из трубки. — У меня тут... беда, Саня. Давай ноги в руки и ко мне.

Герман сел, схватил трубку и поднёс к уху.

— Кондрат!.. Алё! — Посмотрел на экран и перевёл взгляд на жену.

— Я тебя отвезу, — сказала Тонечка.

Первоклассный повар жил недалеко, почти в пригороде Нижнего. Гиппопотамистую, тяжеленную машину мужа Тонечка водила не слишком уверенно, а Герман нервничал и торопил, и по дороге чуть было не приключилась та самая семейная сцена, к которой он был непривычен.

Один раз свернули не туда, оказались на пустой, присыпанной снегом дороге, которая петляла по мокрому лесу. И сигнал навигатора, ясное дело, пропал. Почему-то этот самый сигнал всегда пропадает в самый неподходящий момент.

Пришлось возвращаться к развилке, перезагружать программу, ждать.

— Я тебе говорил, не сюда! Я вчера не так ехал!

— Саш, я не знаю, как ты ехал, но адрес я правильно завела. Если ты мне правильно назвал!

— Дай я посмотрю!

Тонечка закатила глаза и сунула ему телефон.

«Поверните направо, — командовал телефон невыносимо самодовольным женским голосом, — через триста метров развернитесь!»

— Ты что, обалдела?! — зарычал Герман на телефонную женщину. — Посёлок Заречный, дом сорок один!

Тонечка отняла у него телефон.

«Поверните направо», — повторила женщина-навигатор.

Тонечка повернула, как было велено, и вскоре впереди замаячил указатель «Заречный 1,5» и стрелка.

— Вот этот поворот помню, — сказал Герман.

— Молодец, — похвалила Тонечка.

На тихой улице дремали за заборами справные домишки, каменные, двухэтажные. И дорога была по-

чищена, и переулки тоже. Видно, в посёлке Заречный хозяйничали со знанием дела и от души.

— Где-то здесь, — сказал Герман, всматриваясь в заборы.

— Подожди, ещё не доехали!..

Она въехали в переулок, и Тонечка притормозила. Ворота дома номер сорок один были распахнуты настежь.

— Он что, куда-то утром ездил с такого похмеля? — спросила Тонечка. — Или жена вернулась?

— Откуда я знаю, — огрызнулся Герман. — Заезжай давай!

Посередине двора стояла красная машина, молотила движком. Передние двери и багажник открыты.

— Ну вот! Жена и вернулась! Две минуты назад! Опять скандалить понеслась, даже двери не закрыла.

— Нет, машина давно стоит, — проговорила Тонечка настороженно.

— С чего ты взяла?!

— Крыша и багажник снегом присыпаны, видишь?.. А капот мокрый, он же горячий, снег на нём тает...

Герман выпрыгнул, огляделся по сторонам, покричал:

— Кондрат! Ты где?! — И прислушался.

Никто не отозвался.

Тонечка выбралась с водительского места и потянула за собой рюкзачок. В рюкзачок она напихала воды в бутылках, сколько взлезло, и аптечку.

Герман заглушил работающий двигатель в красной машине, сунул в карман ключи. Сразу стало очень тихо, как и положено зимой в деревне. Он захлопнул дверь и пошёл к дому, продолжая на ходу оглядываться.

— Не нравится мне всё это, — пробормотала Тонечка. — Что-то здесь не так...

Большой лохматый пёс выбрался из будки, за ним ташилось сено, как видно он спал на нём, отряхнулся и вопросительно брехнул.

Тонечка оглянулась:

— Ты мой хороший! — сказала она псу. — Что-то у тебя вид заспанный! Ты охранный пёс или нет?

— Тонечка, давай за мной!

— Я иду, иду!..

В дом вели двойные двери, по виду старинные, на поверку оказавшиеся новомодными — металлические, с тяжёлыми хромированными задвижками, почти банковские.

Тонечка недоверчиво посмотрела на двери. Видимо, повар чего-то боялся. Или это его жена, звезда шоу «Любит — не любит», боялась?..

— Кондрат, алё! — проорал Герман из прихожей. — Ты где?!

— Осторожней, Саня, — отозвался из глубины дома больной голос, который Тонечка сразу узнала. — Иди кругом, прямо не ходи!

Александр Герман замер на пороге комнаты, мельком оглянулся на Тонечку.

— Тоня, иди в машину, — велел он.

Но она уже заглянула, конечно.

Большая комната на три окна была разгромлена, словно в ней дрались стенка на стенку. Пол усыпан битой посудой и какими-то круглыми деревяшками — Тонечка не сразу сообразила, что это ножки от стульев. На светлом ковре, сбитом в сторону, тёмные пятна, много. Неровные, острые, страшные осколки стекла возле старинного буфета, из которого выбиты дверцы, закапаны чем-то красным. Кровь? Ветер

колышет занавеску на распахнутом окне, на подоконнике перевернутые цветочные горшки, батареи засыпаны землёй.

— Кондрат, мать твою!

— Я здесь, на кухне.

Большая комната была разделена на две условные части — кухню и столовую, и та часть, где располагалась кухня, тоже имела выход из прихожей.

Возле гигантской плиты стоял высоченный мужик в тельняшке. Рыжая всклокоченная борода словно светилась в полумраке на фоне бледного, в голубизну, лица.

— Что тут было?! На тебя напали?!

Мужик пожал плечами и бородишей показал на Тонечку:

— Ты зачем её привёл?

Герман оглянулся. Тонечка ещё ни разу в жизни не видела, чтобы её муж был так растерян. И напуган.

— Кого?..

— Мы вместе приехали, — выпалила Тонечка. — Такси долго бы ждали, пришлось мне за руль садиться.

— Уезжайте, — сказал рыжебородый с трудом. — Сань, выпроводи её. Нечего здесь делать.

Но Герману было не до Тонечки.

— Ты что натворил, Кондрат?!

— Или кто натворил? — встряла Тонечка.

— Не знаю. Я проснулся... так уже было. А я ничего не помню!..

Тонечка осторожно обошла мужа и огляделась. На кухне не было никакого разгрома, словно сюда не дошло цунами. Больше того! Кухня сияла какой-то праздничной, новой чистотой, словно из неё только что вышла команда уборщиков.

Тонечка ещё пооглядывалась по сторонам, а потом тихонько взяла со стойки стакан.

— Не трогайте вы ничего, — выговорил рыжебородый с трудом. — Нельзя! Сань, чего теперь делать? Наряд вызывать, да?..

— Подожди, успеем, — сказал Герман. — Давай подумаем. Может, ты чего вспомнишь?..

— Мы с Ленкой в хлам поругались.

— Это ещё при мне.

— Я больше ничего не помню!!!

Тонечка налила в стакан воды, бросила аспирин, который моментально зашипел, брызгая колючими крохотными фонтанчиками ей на руку.

— Девушка, я же вам сказал, не трогайте ничего!..

Тонечка подала повару стакан.

— Ну, давайте познакомимся, — предложила она деловым тоном. — Меня зовут Антонина Морозова. Вернее, Герман, но подписываюсь я Морозовой. Так удобней, потому что я сценарии пишу уже давно и под фамилией Морозова. Но Герман — звучит, правда?

Она болтала без остановки, чтобы дать ему возможность отвлечься, рассмотреть её и выпить аспирин.

— Я жена вашего друга Сани, то есть Александра Наумовича, конечно! А вы повар, и вас зовут Ермолай! Вернее, вас зовут Кондрат, а фамилия у вас Ермолаев, так что мы с вами оба называемся не так, как нам положено!

Ермолаев Кондрат залпом допил воду, выдохнул и посмотрел на Германа.

— Ну да, — тот кивнул, — она такая.

Тонечка между тем пристроила рюкзак на стул и стала обходить кухню по кругу. Зачем-то она открывала ящики и заглядывала в шкафы. Вытащила ■

какой-то свёрток, развернула, посмотрела и сунула обратно.

— У вас образцовый порядок, — похвалила она.

— Ну, когда я готовлю, здесь бардак. — Повар покрутил ручищей, на пальцах синела татуировка. — Страшный.

— Я слышала, — подхватила Тонечка, — что настоящие повара никогда за собой не убирают и не моют! Они только всё разбрасывают и расшвыривают, зато у них получаются кулинарные шедевры. У вас получаются шедевры?

Рыжебородый Кондрат Ермолаев пожал плечами.

— Я не знаю.

— Выпейте ещё вот... таблеточку. Это от отравления. Ваш организм отравлен алкоголем, — добавила она, сделав ударение на первом слоге, чтоб получилось смешно.

Но никто не рассмеялся.

— Слушайте, я вообще не пью никакие пилюли! Сань, скажи ей!

— Тоня, он не пьёт пилюли!

— А кто вчера убирал кухню?

Кондрат с усилием проглотил таблетку.

— В смысле?

— Или вы сами убирали за собой? Саша сказал, что ужин был очень вкусный, и выпили много, потому что закуска была хороша. Вот вы приготовили ужин, а потом всё за собой сами помыли?

Кондрат задумался — на лбу собрались складки.

— Лена убирала, — сказал он наконец. — Точно, Лена! Она тогда ещё не уехала и всё тут помыла.

— Кто такая Лена?

— Это его жена, — подсказал Герман.

— Да, — согласился Кондрат, — это моя жена.

Тонечка посмотрела на мужа недоверчиво.
— Ты же сказал, что его жена ведущая шоу! Гелла... Гелла...

— Понтийская, — хором сказали мужики, и Кондрат продолжил:

— Это для телика имя. А в жизни её зовут Лена Пантелеева.

— Где она сейчас?

Кондрат весь перекосялся.

— Не знаю. Я проснулся там, на диване, а вокруг... вот это всё. Я Сане позвонил.

— А ей? Позвонили?

Он кивнул.

— Не отвечает?

Он опять кивнул.

Тонечка заглянула в широкий, почти во всю стену проём, соединявший кухню со столовой. С этого ракурса разгром тоже смотрелся ужасающе.

Она осторожно прошла, стараясь не наступать на черепки, щепки и осколки.

— Нельзя там ходить, — безнадёжно проговорил Кондрат и махнул огромной ручищей.

— Ничего, я тихонечко.

— Надо вспоминать, — Герман налил себе воды в стакан Кондрата и с наслаждением выпил.

— Да чего вспоминать-то, Саня. Ничего мы не вспомним. Давай ментам звонить.

— Нет, подожди, — Герман выдвинул стул и сел. — Она же приезжала!

— И мы поругались, — перебил Кондрат. — В локуты.

— Это было при мне! — продолжил Герман. — Только я не могу сообразить, в котором часу. Тоня! Когда я домой вернулся?

— После двух, — откликнулась Тонечка. Она ходила по комнате, высматривая что-то.

— После неё мы ещё долго сидели! Ты в погреб ходил за яблоками, помнишь?

— Яблоки помню, Саня, — сказал Кондрат. — А потом что? Ну, она же могла вернуться и... что?..

— А чья машина на улице? — издалека спросила Тонечка. — Ваша или вашей жены? Или у вас одна на двоих?

— Где?..

Рыжебородый повар вдруг бросился к окну, прямо по осколкам и черепкам, и выглянул, даже свесился наружу, словно боялся изнутри не рассмотреть.

Тонечка внимательно следила за ним.

— Ленкина машина, — сказал он убитым голосом. — Значит, она возвращалась...

— Когда мы подъехали, все двери были открыты, и двигатель стучал, — Герман тоже подошёл и посмотрел в окно. — Я заглушил.

— А я ничего не слышал... — растерянно проговорил Кондрат.

И они взглянули друг на друга.

— Я не мог её убить, — сказал Кондрат скорее себе, чем Герману. — Да ещё по пьяни!..

— Значит, будем исходить из того, что вы не убивали, — отозвалась Тонечка бодро. — Теперь самое главное узнать, что здесь произошло.

— Как узнать?!

— Я пока не придумала, — призналась Тонечка. — Саш, а ты?

— Камер никаких нет, конечно, — полуутвердительно поинтересовался её муж.

— Сдурел, что ли?

Повар перегнулся через подоконник, зачерпнул

мокрого снега и крепко отёр лицо. С бороды закапали тяжёлые капли.

— Короче, звоню ментам.

— Подождите! — в один голос воскликнули супруги Герман.

— Мы успеем позвонить, — продолжала Тонечка очень уверенно. — Давайте только сначала поговорим.

Поговорить они не успели.

На крыльце зазвучали шаги, сильно протопало, — пришедший отряхивал снег с ботинок, — и распахнулась тяжелая входная дверь.

Высокая женщина в длинном пальто напрямик промаршировала в столовую, замерла на пороге и вытаращила глаза.

— Здрости, Светлана Павловна, — пробормотал Кондрат.

Женщина отступила и зажала рот обеими руками.

Тонечка встала так, чтобы хоть немного прикрыть от глаз вошедшей разгром и бурые пятна.

— Давайте я вас отведу на кухню, — предложила Тонечка. — Вы присядете, я налью вам...

— Допился, сволочь, свинья поганая! — вдруг заголосила женщина. — Леночка!.. Зарезал её, сволочь?! Где она?! Куда дел?!

— Тише, — сказала повар умоляюще, — тише, тише!..

— Лю-у-у-ди! — женщина сорвала с головы платок, побежала и скатилась с крыльца. — Люди, человека убили! Убили человека!..

— Странно, что меня тоже не арестовали, — Герман потёр руками лицо. — Я же был с ним почти всю ночь.

— Его не арестовали, а задержали, — поправила Тонечка устало. — Саш, давай выпьем, а?

— Нет, — моментально отказался Герман. — Только не это.

— Ну, тогда ты чаю, а я... не чаю.

Она прошла по сверкающей плитке — за ней оставалась цепочка мокрых следов, — плюхнулась в кресло и с наслаждением вытянула ноги, словно весь день не могла присесть. Герман медлил, рассматривая её.

Так она ему нравилась!..

Приятное, особенное чувство, когда женщина нравится, и она — собственная жена.

Даже после стольких часов — долгих часов, которые они провели сначала в доме Кондрата Ермолаева, а потом в отделении, после стольких объяснений, разговоров, подписанных бумаг, Тонечка казалась свежей, и буйные кудри вились особенно буйно — должно быть, от мокрого снега, который всё сыпал и сыпал с небес. Ей очень подходил пятизвёздочный «Шератон» в центре Нижнего Новгорода, сверкающая плитка, уют модной мебели, странных картин и дорогих ковров. Александр Герман за всю жизнь не встречал женщины, которой бы всё это *так подходило*. Её клетчатая английская куртка, той же генеалогии сумка на длинном ремне, на сумке монограммы в виде всадников, причёска, точнее полное её отсутствие, румяные щёки, уверенная грудь под светлым свободным свитером, ладные джинсы — как ему всё это подходило!..

Он и не думал, что женщина может так ему подходить. До неё, до прошлого года, когда он её встретил, он просто... выполнял некую жизненную программу. Положено, чтобы успешный, уверенный и деловой мужчина появлялся в обществе с красоткой — он по-

являлся с разнообразными красотками. Положено ветреный и мрачный февраль проводить в Индонезии, «на солнышке» с длинноногой феей — он проводил февраль с феями. Положено по весне фотографироваться на итальянских озёрах рядом с совершенным женским телом, раскинувшимся в соседнем шезлонге — он фотографировался с телами. Иногда его связи были достаточно интересными и развлекали его, иногда получались так себе, но они *всегда* оставались словно вне его самого. Он наблюдал за собой и своими романами всегда с некоторой отстранённой иронией.

Тонечка за год ни разу не дала ему возможности иронизировать и наблюдать!.. С ней он всё время жил полной жизнью, и это его... удивляло. Каждый день!

Его жена, на которую он в эту минуту смотрел с тихим и умильным восторгом, нетерпеливо крутила шей, выпутывала кудри, наконец стянула с шеи шарф, с облегчением пристроила вещи в руки подошедшего официанта и спросила белого вина со льдом, кофе и мятного чая.

Между прочим, Герман давно заметил, что официантам она тоже нравится, хотя они все были почти подростки, а Тонечка вполне себе дама!..

Он подошёл и сел рядом.

Она сразу придвинулась к нему и приложилась к щеке дурацким поцелуем в стиле «дорогой, как я рада тебя видеть этим вечером».

— Какой-то ужасный день, — пожаловалась она. — Ты как? Как твоё похмелье?

— Нет никакого похмелья. — Ему не понравился поцелуй, он прихватил жену за шею и поцеловал как следует.

Не по возрасту и не в меру целомудренная супруга тут же оттолкнула его физиономию.

— Саш, ну что ты!..

Он усмехнулся и отпустил её шею.

— Ну, что мы будем делать?

Тонечка потёрла нос.

— История странная, — сказала она наконец, — вот правда, очень странная.

— Как это верно, Ватсон.

Она искоса взглянула на него и фыркнула.

— Кондрат не мог убить, — продолжал Герман очень серьёзно. — Вот поверь мне. Я знаю.

...Муж что-то недоговаривает, это ясно как день. С самого начала! Сколько Тонечка ни пыталась ещё в Москве выяснить, откуда у её мужа, великого телевизионного продюсера и в прошлом режиссёра, человека всегда и во всём благополучного, сытого и самоуверенного, взялся давний друг повар, да ещё в Нижнем Новгороде, у неё так и не получилось. Муж рассказывал какие-то глупости про бурную молодость и про то, что когда-то он, муж, был большой шалун, но дело с места не двигалось. Целый год, нет, даже почти полтора, Герман ни разу не вспоминал друга-повара и вспомнил только сейчас, а когда Тонечка пристала, только отшучивался.

— На первый взгляд всё как раз наоборот, — нащупывая почву, продолжала Тонечка. — Как раз похоже, что он убил жену-то.

— Тоня, даже не начинай!..

— Смотри, они сильно поссорились, ты сам мне рассказал ещё той ночью, что приехала и закатила скандал, что она испортила ему всю жизнь! Что она обещает выложить в сеть побои. Что он её послал по-дальше и они почти подрались...

— Пошла писать губерния... — пробормотал Герман в сторону.

— Разве не могло быть так, что она вернулась, они опять поссорились, потом на самом деле подрались, и он её... ну, случайно, в драке, в угаре... ударил... неудачно...

— Не могло быть, — отрезал Герман. — Тоня, правда. Я знаю, что говорю.

Официант принёс поднос и начал ловко расставлять на круглом столе бокалы и чашки. Тонечка сосредоточенно думала.

— А про неё ты что-нибудь знаешь? — спросила она, как только официант отошёл, улыбнувшись ей напоследок. — Про жену?

— Ни-че-го, — по слогам ответил Герман. — Я понятия не имел, что Кондрат женился.

— Плохо, — сказала Тонечка. — Самое скверное, что мы даже не знаем, где и как её искать.

Герман обжётся мятным чаем и устался на жену.

— Как... искать? — переспросил он. — Зачем нам её искать? Если Кондрат её...

— Тьфу на тебя, Саша, — рассердилась она. — Ты сам себе противоречишь! Ты же клянёшься, что твой друг-повар жену не убивал! Значит, она жива и где-то должна быть! А где?..

— Да в этом всё дело! — вдруг вспыхнул Герман. — Её нигде нет, ни на работе, ни дома! В отделении так сказали!

— Саша, что выходит? Выходит, что Кондрат Ермолаев ночью в беспамятстве её убил, а тело где-то спрятал. Не приходя в сознание.

— Во дворе машина стояла, вся нараспашку, — напомнил Герман. — Мотор работал.

— Вот именно. Когда она на ней приехала? Выходит, после того, как ты ушёл, то есть, где-то ближе к двум. Потом они поссорились — с дракой и битьём

стёкол. Потом, получается, он её выволок, затолкал в машину, куда-то вывез, вернулся обратно, оставил машину посреди двора с работающим двигателем и завалился спать. Логично?

— Нет, — отрезал Герман.

— Вот именно, — согласилась его очень умная жена. — Так не бывает. Хотя, по большому счёту, есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось вашим мудрецам. Можно мне ещё сабли?

Герман помахал официанту, спросил вина и вдруг неслыханно удивился:

— Постой, постой, так ты... тоже не веришь, что Кондрат зарезал жену?

— Молодец, — похвалила Тонечка. — Я ещё пока ничего не понимаю, но кое-что странно, правда.

— Что?

— Порядок на кухне, это раз, — задумчиво начала перечислять Тонечка. — Два: ночью был шум, и никто из соседей не прибежал и не спросил, в чем дело.

— Фью-ю! — присвистнул Герман. — Нынче на шум никто не выходит, никому дела ни до чего нет.

— Саш, это в Москве никто не выходит на шум! А здесь все выходят! Когда тётя сегодня на крыльце заголосила про убийство, моментально под забором народ собрался, ты не обратил внимания? И наряд сразу вызвали! Мы же не вызывали никого, а патруль приехал через семь минут после того, как она заорала, я засекала.

— Ну ты даёшь, — Герман покачал головой отчасти даже с недоверием. — А кухня при чём?

— При том, что расстались они, по всей видимости, абсолютно мирно. Твой повар и его телеведущая!.. Он ждал тебя в гости и готовил. Устроил на кухне бардак. Она этот бардак убирает, она всегда

так делает, это Кондрат рассказал. Он готовит, а она за ним всё чистит и моет. После этого она уезжает — кстати, куда? — среди ночи возвращается и закатывает скандал. В чём смысл, если подумать?

Герман пожал плечами.

— Вот именно, — подхватила Тонечка. — Получается, что смысла нет. Если они мирно расстались вечером, почему ночью случился скандал?

— Потому что мы пьяные были.

Тонечка рассердилась:

— Саша! Ты же режиссёр! Включи режиссёрское воображение! — Она потянула его за ухо. — Чик-трак! Включилось?

— Чего ты от меня хочешь?

— Чтoб ты фильм представил. Муж и жена на кухне. К мужу вечером приезжает старый друг, — тут она подумала и зачем-то добавила: — лучше новых двух. Муж — повар, и он готовит пир, — и она опять добавила: — на весь мир. Жена видит, чего и сколько он готовит, знает, сколько закуплено выпивки. Потом она ликвидирует бардак, вылизывает кухню и деликатно отбывает в неизвестном направлении. Возвращается ночью. Бог мой, каков пассаж, что за ужасная картина — муж и старый друг уже изрядно набрались!

Герман засмеялся.

— И она давай скандалить и на него кидаться!

— Да, — согласился Герман. — Фильм не складывается что-то.

— Вот именно, — кивнула Тонечка. — Шума соседи не слышали, на Кондрате твоём ни царапины. Или они очень аккуратно и тихо дрались, или...

— Не дрались, — подсказал Герман.

— Или она так же деликатно и тихо дала себя резать, — продолжала его жена, — или...

— Никто никого не резал, и вообще непонятно, что там произошло, — закончил он.

— Смотри, какая собака! — вдруг с восторгом выпалила Тонечка. — Ну вон, вон! Оглянись!

К её внезапным перепрыгиваниям с мысли на мысль, с эмоции на эмоцию он никак не мог привыкнуть.

...Что за собака?! При чём тут собака?!

За соседний столик усаживалась женщина. Лицо у неё было озабоченное и словно встревоженное. На руках она держала...

— Какая же это собака, — сказал Герман несколько даже обиженно. — Это какой-то... организм!

— Сам ты организм! — прошипела Тонечка. — Это совершенно прекрасная маленькая собака! Нет, Саша, ты посмотри, какая прелестная!

У «прекрасной собаки» тоже был довольно встревоженный вид. Она столбиком сидела на коленях у женщины, перебирала тоненькими, как спички, лапами, раскидистые уши время от времени начинали дрожать.

— Я знаю породу, — продолжала неистовствовать жена у него над ухом. — Называется пражский крысарик! Правда! Очень редкая порода! В Средневековье такие собаки спасли Прагу от чумы! Они истребили чумных крыс!

— Любая уважающая себя крыса перекусит этот организм на счёт «раз»!

— Они на самом деле охотники, Саша!

— Да в ней весу, должно быть, полтора кило! Какая уж тут охота!

Но его жену было не остановить — как же! Поблизости от себя она заметила собаку!.. Всё остальное забыто.

— Я подойду и познакомлюсь.

— Дай им хоть отдышаться, — недовольно сказал Герман. — И чаю выпить. Они только пришли.

Тонечка, приподнявшаяся было, чтобы бежать к «прекрасной собаке» и её хозяйке, плюхнулась обратно.

Тут её словно осенило.

— Слушай, там же тоже собака осталась! У Кондрата! Она выходила из будки и гавкала на нас.

Герман с усилием перескочил следом за ней на эту новую мысль. Он явно отставал!

— Это Ямбург, — сказал он наконец. — Кондрат его когда-то из Сибири привёз.

— Он там остался совсем один, — затараторила Тонечка. — Его хоть покормить надо.

— Соседи покормят.

— А если нет?

Он вздохнул.

— Хорошо, мы поедем.

— Поедем, — повторила она. — Вот бы ещё раз в дом попасть, осмотреться. Может, что-нибудь и рассмотрели бы...

Александр Герман, московский продюсер, в прошлом режиссёр, человек системный, хваткий, процветающий и благополучный, никогда и ничего не добился бы в жизни, если бы время от времени не решался на самые странные и дурацкие поступки.

...Год назад он ввязался в расследование убийства артистки Дольчиковой и обрёл жену-сценаристку, тещу — королеву-мать, тестя-генерала, дочь-студентку и племянника-африканиста¹! Впрочем,

¹ Роман «Серьга Артемиды».

Даня Липницкий никакой не племянник, а скорее тоже сын. В кроне семейного древа Липницких-Морозовых-Германов легко заблудиться, как в том самом дубе, который у Лукоморья. Там ещё золотая цепь и кот!.. Так и у них.

Герман переложил на диване свою дублёрку и пошарил в карманах.

— Попасть в дом хорошо бы, — пробормотал он и выложил на стол связку ключей на автомобильном брелоке. — Попробуем? Может и попадём!..

Тонечка уставилась на связку.

— Я забрал из красной машины, — пояснил её муж. — Когда двигатель глушил, а потом сунул в карман и забыл. Тут только один ключ автомобильный, остальные скорее всего от дома.

Тонечка перебирала ключи с таким восторгом, словно муж преподнёс ей букет орхидей.

— Вот этот точно от наружного замка, а этот, скорее всего, от внутреннего... Саша! Ты гений! — И она бросилась ему на шею.

— А что ты там собираешься высмотреть? Есть идеи?

— Конкретных пока нет, но мне, например, очень любопытно, почему на кухне полный порядок и райский рай, а гостиная вся разнесена по кирпичикам! А это, считай, одна комната!

Герман немного подумал:

— Может, потому что они в гостиной подрались? А не на кухне?

— Или потому, — подхватила Тонечка, — что устроить образцово-показательный разгром в одном помещении проще, чем в двух. Особенно ночью и чтоб без лишнего шума. Хорошо бы ещё с соседями-

ми поговорить, может, ночью кто-то что-то видел или слышал?

— Как ты это себе представляешь? Поговорить с соседями?

Тонечка махнула рукой.

— Ну, это очень просто придумать. Придумывать вообще просто!

Герман усмехнулся.

— Кому как.

— Мне просто. Саша, я хочу такую собаку! Вот именно такую, ты посмотри только!..

Ему опять понадобилось несколько мгновений, чтоб сообразить, о чём речь.

Диковинное существо с не менее диковинным названием «пражский крысарик» устроилось на коленях у хозяйки столбиком и влажными оленьими глазами наблюдало за происходящим в лобби. Оно не тьякало и не тряслось, вид заинтересованный, но понятно, что настороже.

— Можно я подойду уже?!

— Они заняты, Тоня!..

К женщине с «прекрасной собакой» размашистым шагом подходила девица в красной куртке. Она уселась напротив и начала сразу очень громко, на весь лобби-бар:

— Здравсти, Галина Сергеевна, что за спешка? Я занята, у меня маленький, а вы звоните, житья никакого нет! Вам чего, денег жалко? Ну, так всё равно придётся отдавать!..

— Милана, — взволнованно отвечала женщина с «прекрасной собакой», — вы меня извините, конечно, но ведь собака не может у меня оставаться! Она уже большая, восемь месяцев скоро, ей дом нужен!..

— Выдумали тоже, — фыркнула девица и посмотрела на пражского крысарику, как показалось Тонечке, с отвращением. — Она ж не на улице зимует! Я вообще хотела на вас в суд подавать! Только я человек не скандальный, повезло вам!

— В суд?! — изумилась женщина, и вид у неё стал совсем несчастный. — На меня?!

— И на собак ваших, — продолжала Милана с чувством, — и вот, ей-богу, подам, если вы не отвяжетесь!

— Я?! — опять повторила женщина.

— Да, вы, вы!.. Вы же нас надули!.. Да ещё как ловко! Мама у вас зачем собачку брала? Мама брала, чтоб маленький в неё игрался!.. А собачка ваша чокнутая, с маленьким не играет, только прячется по углам! А в ванной запрёшь, так она оттуда лает, будит его!.. Я так маме и сказала, забирай от нас и отдавай обратно!

Галина Сергеевна посмотрела на собеседницу с некоторым отчаянием, а собака точно с таким же отчаянием не отводила глаз от Галины Сергеевны. Вообще при появлении Миланы она заметно взволновалась, задрожала и пыталась спрятаться под стол.

— Мы, должно быть, все друг друга не поняли, — проговорила наконец Галина Сергеевна, и щёки у неё покраснели. — Ваша мама брала собаку в подарок дочери, то есть вам, как я понимаю. Про ребёнка она ничего не рассказывала! Эти собаки не годятся для маленьких детей, что вы!.. Это собака-компаньон для взрослых, за ней особый уход нужен, пригляд.

— Мне ещё за собакой ухаживать не хватает! — Девица покрутила головой, как будто собеседница сморозила невесть какую глупость. — Забирайте, а деньги возвращайте! Хорошо, я человек отходчивый, не скандальный, а то бы в суд подала! За обман!

Галина Сергеевна вдруг посветлела лицом:

— То есть вы её возвращаете совсем? Ваша мама, когда мне её привезла, сказала — на передержку.

— Что ещё за передержка! — возмутилась девица. — Забирайте обратно и нянчитесь с ней, сколько хотите, только деньги верните все до копейки, а мне такой радости не надо! Я думала, с ней маленький играть будет, а она не даётся! И чего? Какой от неё прок?

Галина Сергеевна под столом погладила собаку, та вынырнула, и они посмотрели друг на друга, обе радостные.

— Ну, конечно! — Галина Сергеевна уселась свободней, и крохотное ушастое существо опять устроилось у неё на коленях заинтересованным столбиком. — Давайте завтра? Только не здесь, мне сюда ехать неудобно!

— Зато мне удобно, — отрезала девица. — Вы ещё покапризничайте! Скажите спасибо, что мы...

— В суд не подадим, — неожиданно подхватила Тонечка, поднялась и подошла к троице.

Герман несколько не удивился, чего-то в этом роде он и ожидал, странно, что его жена терпела так долго.

— Меня зовут Антонина Герман, — представилась Тонечка для солидности мужниной фамилией. — Я из Москвы. Разрешите присесть?

— Конечно, — пробормотала Галина Сергеевна, двигаясь вместе с креслом и словно давая Тонечкиному креслу больше места.

— Короче, завтра в семь здесь, и чтоб всё до копейки, — распорядилась девица.

— Какая прекрасная маленькая собака, — не обращая на девицу никакого внимания, заговорила Тонечка, обращаясь исключительно к Галине Сергеев-

не. — Я знаю эту породу! Она страшно редкая и ценная! Ещё со времён Средневековья!

Женщина покивала. Кажется, собака покивала тоже.

— Пражских крысариков дарили друг другу европейские монархи, — продолжала выступление Тонечка, — они очень ценились и стоили, как небольшое имение!..

Девушка Милана перестала натягивать куртку, замерла и стала слушать.

Герман потешался.

— Они душили амбарных крыс, разносчиков чумы. Этим собак носили в сумках, и они спасали вельмож от карманных воришек!

Галина Сергеевна улыбнулась и погладила свою собаку.

— Так оно и есть. А у вас крысарик?

— Я о нём мечтаю! — воскликнула Тонечка пылко. — Во Вторую мировую порода почти погибла, и потом пришлось кропотливо восстанавливать! Эти собаки — мировое достояние!..

Милана недоверчиво посмотрела на собаку, словно прикидывая, что из неё можно извлечь.

— Вы ещё здесь? — вдруг обратилась к ней Тонечка. — Вы свободны, можете идти.

Это было сказано таким тоном, что девушка неожиданно для себя подхватила с кресла сумку и быстро посеменила к выходу. Тонечка и Галина Сергеевна смотрели ей вслед. Она дошла до двери, остановилась, потрясла головой, словно прогоняя наваждение, оглянулась на них и вышла.

— Какая прекрасная маленькая собака, — заговорила Тонечка совсем другим голосом. — Я сразу хотела подойти, а мне муж говорит — не приставай!..

— Да, видите, какого я маху дала, — Галина Сергеевна улыбнулась. — Иногда трудно разобраться! Покупательница сказала, что взрослой дочери хочет подарок сделать, а про ребёнка ни слова! Конечно, они не для детей, собаки эти! Детям нужно лабратора брать...

Она опять погладила собаку. Та внимательно следила за Тонечкой.

— Придётся нам с тобой новый дом искать, — сказала Галина Сергеевна. — Ну, ничего, хорошо, что без потерь вернули. Запуганная, конечно, но очухается! Они такие умные.

— Можно мне её поддержать?

Галина Сергеевна посмотрела на Тонечку и отказала вежливо, но твёрдо.

— Зачем собаке лишние надежды? Вы же её не возьмёте! А она и так понимает, что от неё отказались. Вот уже неделя, как вернули, и всё время в плохом настроении, не отходит от меня. Мы лучше поедем, нам в Автозавод, далеко.

— Завтра увидимся, — быстро сказала Тонечка. — Вы же приедете!..

Галина Сергеевна рассеянно кивнула.

— Как это я не разобралась сразу! — сама себе сказала она. — Чуть не погубила собаку-то!..

— Тонечка, — окликнул Герман негромко.

Ему было совершенно ясно, что через пять минут его жена вернётся к столику с этой самой собакой!..

Она подошла, вид немного рассерженный.

— Саш, ну что такое? Я просто разговариваю!

— Если ты хочешь ехать к Кондрату, поедем.

— Нет, но это же совершенно замечательная маленькая собака!

— Это организм, а не собака! Зачем она тебе?

— Мы с ней вместе будем сценарии писать. И она станет со мной спать.

— Я уже сплю с тобой, — сообщил Герман, — место занято.

— Ну, Саша!

— Ну что — Саша?! И у нас же Черри!

Черри — веселая рыжая колли — на самом деле принадлежала тестю-генералу, но от души жила на два дома, и у тестя, и у Тонечки с мужем.

— Черри не моя собака, — заныла Тонечка. — А я хочу свою!.. Она будет сидеть у меня на руках, когда я пишу.

— А когда ты на совещании, она где будет сидеть?.. В сортире, как у той дуры?..

Тонечка, открывшая было рот, чтоб продолжать ныть, осеклась и задумалась, но только на секунду.

— А я буду брать её и на совещания тоже! — И она подцепила мужа под руку. — Её никто-никто не заметит, она станет тихо-тихо сидеть у меня под свитером, а я буду много-много и быстро-быстро работать!..

Герман промолчал.

«Много-много» и «быстро-быстро» работать — это совсем другой разговор, из другой, деловой и торопливой московской жизни.

Тонечка писала сценарии, и делала это хорошо, но, с точки зрения её делового и расторопного мужа, медленно. Ему нужно было быстрее, как можно быстрее!.. Его воля, он заставил бы её писать все сценарии для его продюсерской компании. Она сопротивлялась, конечно, но всё равно чувствовала себя виноватой — опять задержала, подвела, а то и не угодила, нужно переделывать, а производство стоит!

...Возможно, он слишком на неё давит, но деньги нужно зарабатывать изо всех сил, каждую мину-

ту, не делая никаких поблажек, не позволяя расслабляться ни себе, ни окружающим, близким и далёким!..

«Я так не могу, — жалобно говорила Тонечка, шмыгая носом после очередного его выговора, — как ты не понимаешь, мне нужно подумать, помолчать, посидеть. Иначе я напишу какую-нибудь ерунду!»

«Ну, ерунду ты в любом случае не напишешь, — отвечал он сердито, — а думать и вздыхать некогда, нужно работать!»

Так у них и не получалось договориться, и это немало беспокоило его. Он никогда не упускал своего и любое безделье считал преступлением, а она качалась в гамаке, играла с собакой, грызла яблоко, и при этом у неё получались лучшие сценарии на современном отечественном телевидении!.. Он не очень понимал, как это ей удаётся, но из такого умения нужно извлекать прибыль, постоянно, ежедневно, а она... в гамаке качается, теряет время!..

Мысль о том, что «лучшие сценарии» как раз и получаются в основном из бездумных качаний в гамаке или созерцания июльских облаков, в голову ему не приходила.

— Са-аш, — сказала Тонечка дурацким голосом, когда он запустил двигатель машины, — подари мне собаку. Пражского крысарика! А?..

— Лучше скажи мне, зачем мы на самом деле едем к Ермолаю.

— Ну и пожалуйста, — Тонечка отвернулась и стала смотреть в окно. — Ну и сколько угодно.

Снег под вечер опять повалил, в свете фонарей густо сыпались крупные хлопья, и многочисленные следы, которыми был затоптан двор, уже замело.

Герман остановил машину у ворот, заезжать не стал. Тонечка распахнула пассажирскую дверь и посмотрела вниз.

Земля была далеко.

— Купил бы приставную лестницу, что ли, — пробормотала она. — Как пить дать навернусь.

— Подожди, я тебе помогу.

Но она, разумеется, сама выпрыгнула из салона и пошла к калитке. Снег скрипел у неё под ногами.

Герман отчего-то чувствовал виноватым себя, а злился на Тонечку. Это было новым в его жизни — теперь всегда и во всём или почти всегда и почти во всём оказывалась виновата она!

Тонечка осторожно зашла на участок — он казался совсем не таким, как при свете дня, притихшим, настороженным, с глубокими тенями вдоль забора, похожими на провалы в черноту. Со стороны будки забренчало, и выбрался, волоча за собой цепь, кудлатый пёс. Он взглянул на Тонечку, потянулся и зевнул во всю пасть.

— У тебя хозяина забрали, бестолочь, — сказала она псу. — А ты спишь без задних ног!

Пёс вильнул хвостом.

— Саш, как его зовут, я забыла?

— Ямбург. Кондрат его с газовой станции привёз, как раз из-под Ямбурга.

— Что делал твой друг на газовой станции под Ямбургом?

Герман ничего не ответил.

...Э-э-э, нет, подумала Тонечка, так дело не пойдёт. Ты всё мне выложишь, милый. Я твоя жена, и именно я в данный момент стараюсь вызволить твоего друга из передраги!..

Впрочем, с расспросами можно подождать.

— Открывай скорей! Холодно, и лучше на крыльце просто так не маячить.

Герман открыл дверь — она не была опечатана, — они оказались внутри дома и замерли. Было очень тихо, слышно, как на кухне капает в раковину вода.

— Как ты думаешь, — зашептала Тонечка, в такой зловещей тишине по законам жанра следовало шептать, — он собаке сухой корм даёт или похлёбку варит? Первое, второе, третье и компот!

— Он может, — тоже шепотом подтвердил Герман, рассердился и заговорил в полный голос: — Что ты тут хотела найти? Ничего мы не найдём, темнота хоть глаз выколи.

— Мы задёрнем шторы и включим свет, — бодрым шёпотом ответила Тонечка. — Не бойся, Саша, я с тобой!

— Я ничего не боюсь.

Битое стекло и черепки захрустели, потом что-то зазвенело и покатилося.

— Осторожней, Тоня!..

Послышался шелест — Тонечка зашторивала окна.

— Я всегда думала, — донесся до него её шёпот, — что писать сценарии — самая безобидная и мирная работа на свете. Сидишь себе и пишешь. Пишешь, да и сидишь себе!..

Герман подошел к другому окну, засиневшему в темноте, как только привыкли глаза, и задёрнул плотную занавеску.

— Ох, ёлки-палки! — Она обо что-то споткнулась. — Можно зажигать, Саш!

Оба зажмурились от света, хлынувшего со всех сторон, а потом стали озираться.

В огромной комнате ничего не изменилось — ни в той половине, где был мир и покой, ни в той, где Мамай прошёл.

— Да уж, — сказал Герман в конце концов. Разгром при электрическом свете производил какое-то новое, ошеломляющее впечатление. — Что тут у них случилось?..

Тонечка зашла на половину кухни и уверенно полезла в шкаф.

— Что ты ищешь?

— Я хочу посмотреть ещё раз. Я уже днём видела эту штуку!..

Она вытащила из ящика свёрток тёмной кожи, перевязанный бечёвками, положила на стол и стала развязывать.

— Это ножи, целая раскладка, — Тонечка оглянулась на мужа. — Ножи всегда собственность повара. Всякое кухонное оборудование, продукты и прочее — собственность ресторана, а ножи у поваров всегда свои. И вот у меня вопрос! Если твой друг зарезал супругу, то чем?

Герман подошел к ней и стал рассматривать свёрток.

— В ящиках только серебряные приборы, ими не нарежешь! Никаких тесаков и топоров на поверхности нет. То есть они наверняка где-то есть, но не под рукой. А здесь всё цело!..

И Тонечка откинула последнюю часть раскладки.

И уставилась на ножи в изумлении.

— Одного ножа не хватает, — констатировал Герман. — Как раз самого большого.

Тонечка кинулась к ящику, заглянула, а потом зашарила в глубине.

— Саш, ты понимаешь, что днём все ножи были на месте?! Я тебе точно говорю, я смотрела!

— Ты не заметила.

— Я всё заметила! И я клянусь тебе, они все были здесь! Каждый в своём кармашке!..

Герман подумал немного.

— Давай поищем... там? — и он кивнул в сторону разгрома.

— Его не может там быть, потому что днём он был в этой штуке!

— Кто-то мог взять нож из этой штуки и положить туда для достоверности картины. — Он махнул рукой в сторону разгрома. — Уже после того, как мы все уехали в отделение.

— Здесь всё заперли! А дверь просто так не взломаешь! Ты обратил внимание? У них как в бункере!

Тонечка выскочила в прихожую, выхватила телефон и стала светить фонариком в дверной замок.

— Не взломано тут ничего! Если открывали, то ключами! Саша!

— А?

— Я ничего не понимаю, — произнесла Тонечка жалобно. — Почему я не понимаю?!

— Я-то уж совсем ничего не понимаю, — пробормотал Герман. — Я же не пишу сценарии.

— При чём тут сценарии?!

Она вбежала на кухню и энергично почесала свои буйные кудри.

— Думай, думай, — велела она себе. — Предположение, что нож вынули из раскладки, чтобы подложить на место возможного убийства — чушь. Здесь сотрудники всё осмотрели, составили протокол и уехали, зачем подбрасывать нож после осмотра, для кого?.. Но всё же нужно попробовать поискать.

— Я попробую, — сказал Герман, перешёл на другую половину и устался в пол.

— И дверь, — продолжала Тонечка. — Дверь не взломана, а она совершенно точно была заперта! Значит, открывали ключами. Давай подумаем, у кого могут быть ключи.

— Я вынул связку из замка зажигания красной машины, — отозвался он, присев на корточки и осторожно рассматривая какие-то черепки. — Кондрат сказал, что это машина его жены.

— Стало быть, и ключи тоже её, — подхватила Тонечка. — Ну, у него свои ключи должны быть точно. Но он в кутузке. Остаётся тётя Мотя, которая днём вопила и билась.

— Она домработница и звать её Светлана Павловна Махова.

— Кстати, — Тонечка посмотрела на мужа с восторгом. — Кстати, это мысль! Она могла вернуться и подложить нож! Как раз для достоверности картины! Помнишь, она сразу стала кричать, что твой друг Кондрат сволочь и поганая свинья, допился и зарезал Леночку! Вряд ли она знает, что второй раз под протокол никто ничего не осматривает!

— Н-да... — пробормотал Герман.

Копаться в осколках и мусоре было противно. Он косился на зазубренные пики выбитых стёкол с подсохшими красными каплями, и от их вида его мутило.

— Он сильно пил? Твой повар?

— Не знаю, я давно его не видел. Раньше пил как все.

— Откуда он вообще взялся, Саш? Для чего мы сюда к нему поехали?

Он поднялся с корточек и переступил через опрокинутый стул.

— Я сто раз уже говорил!.. Старый приятель, по-
звал в гости, чего не съездить!

— Ну да, ну да, — согласилась Тонечка. — В Рим
мы не полетели, потому что тебе некогда, а в Ниж-
ний Новгород — совсем другое дело, конечно! Чего
не съездить...

Герман промолчал.

Тонечка вновь принялась открывать шкафы.

— Как ты думаешь, где может быть собачий корм?..

— Если первое, второе, третье и компот, то в холо-
дильнике, а если мешок, не знаю где. Ищи.

— Какой ты умный, Саша.

Тонечка заглянула в холодильник, но там не было
ничего, что могло сойти за собачий обед, и вообще
готовой еды почти не было. Видимо, Кондрат Ерма-
лаев готовил, что называется, «с ножа» — пригото-
влено, съедено, всегда свежее, всегда с пылу с жару!..

Зато холодная кладовая ломилась от припасов —
здесь хранилось такое изобилие, что Тонечка не-
сколько секунд озиралась в изумлении. На пол-
ках в образцовом порядке были разложены пакеты
и расставлены сверкающие банки, отдельно лежа-
ли приправы, какие-то стручки и ветки, плотно за-
купоренные стеклянные сосуды, в одном из них на
дне оказался диковинный цветок. Спаржа, артишо-
ки, фенхель, имбирь, сельдерей, какие-то травы, от-
дельно, за стеклом — десять сортов и разновидно-
стей муки!

Как видно, повар еду любил, холил и лелеял!

— Саш, подойди! Посмотри, что тут!

Захрупало стекло, Герман подошёл и присвистнул.

— А собачьего корма так и нет?

— У него всё разложено идеально, у твоего Кондра-
та, — сказала Тонечка. — Такое только в кино пока-

зывают!.. Стало быть, и собачья еда должна храниться по всем правилам!

— Ты знаешь правила хранения собачьей еды?

— Из пакета пересыпать, закрывать крышкой, не на свету и не на жаре, — протараторила Тонечка. — Это все знают, у кого собаки. Пошли отсюда, а то мы тепла напустим! У него здесь аж два градусника, на этой стене и на дальней, видишь?

Они вернулись в кухню. Герман потёр затылок — голова начинала болеть как-то снизу, от шеи. Ему хотелось скорей уехать отсюда, вернуться в «Шератон», съесть двойную порцию огненной ухи, выпить рюмку водки, завалиться на чистые простыни и спать до часу дня.

Но его жена искала собачий корм.

В самом углу кухни, за холодильником, обнаружился справный дубовый бочонок с плотной крышкой. Тонечка потянула, крышка открылась не сразу.

— Нашла!.. Саш, притащи с улицы миску!.. Она возле будки! Как же хорошо, сейчас собака наконец поест!

— Налей ему виски, — буркнул Герман, распахивая дверь. — Собака наконец выпьет!

— Уличные собаки, — вслед ему проговорила Тонечка, — зимой едят снег, а виски они не пьют! И воду они тоже не пьют! Им хватает снега!

Миску с едой она вынесла сама, чтобы послушать, как пёс станет радостно и упоительно хрустеть, и, наблюдая немного, вернулась в дом.

— И всё-таки, куда мог деться нож? Кто его взял?.. И зачем?..

— Может, поедем? — попросил Герман, чувствуя, что малодушен и жалок. — Ну сил никаких нет, Тоня!

— Поезжай, — тут же откликнулась Тонечка. — А я тут ещё побуду, потом выйду к магазину и вызову такси. Всего и делов!

— Я так и думал.

Некоторое время они молча копались в обломках и черепках. Герман сердито, а Тонечка задумчиво.

— Нет здесь ножа.

— Зато смотри, что я нашла!..

Она подняла с пола пухлый том, переплетённый малиновым, и стала дуть на обложку. С неё посыпались земля и мелкие стеклянные крошки.

— Мы станем читать вслух?

— Это альбом с фотографиями, балда, — сказала Тонечка. — Дивная вещь, таких давно ни у кого нет.

Герман вздохнул. Тонечка открыла первую страницу.

— Смотри, фотографии совсем новые! Прошлая осень, а тут Новый год. Везде даты стоят! Твой Кондрат любитель семейных альбомов?

— Я не знаю.

— А ты вообще что-нибудь про него знаешь?

— Я точно знаю, что он не мог убить жену, — заявил Герман. — Вот это я знаю!

Тонечка захлопнула альбом и сунула его в рюкзак.

— Дома посмотрим, — решительно проговорила она. — Саш, я схожу на второй этаж, ладно?

— А там тебе что понадобилось?!

Она пожала плечами.

— Ну, просто посмотреть. Мы же должны понимать, как они жили! Вдруг у них разные спальни и всякое такое.

— Да какая нам разница, какие у них спальни?! — почти зарычал Герман. — И вчера Кондрат наверх

не ходил! Он лазал в подвал за яблоками! И вообще, давай уже поедем отсюда!

Тонечка с сочувствием поцеловала его в щёку, выбралась в коридор и зажгла свет.

И тут же позвала негромко:

— Саша...

Он моментально подскочил к ней — голос не обещал ничего хорошего.

— Смотри, — теперь она шептала. — Вон, на третьей ступеньке.

Герман отсчитал ступеньки. На третьей была разлита вода, небольшая лужица.

Он посмотрел на жену.

— Наверху кто-то есть, — прошептала она, и глаза у неё округлились. — Это снег. По лестнице прошёл человек, с ботинка отвалился снег и растаял.

Он даже не стал спрашивать: ты уверена? Он сразу понял, что она права.

...Чёрт возьми, чего-то в этом роде он и ожидал! Всё сразу пошло наперекосяк, недаром ему так отчаянно хотелось отсюда уехать!

Он отстранил Тонечку с дороги и стал подниматься по лестнице.

— Саша, стой! Не ходи!

Но он не слушал. Она догнала и вцепилась ему в рукав:

— Стой, мы не знаем, кто там!..

Он оторвал от себя её руку и пошёл дальше, прикидывая, где может быть выключатель. Нужно сразу зажечь свет!.. Если на втором этаже кто-то есть, значит, он давно их слышит и видит. И он готов!..

— Тоня, не ходи за мной!

Он перемахнул сразу через две ступеньки, нашарил выключатель, вспыхнул свет.

Возле чёрного провала распахнутой двери стоял неизготовку человек с длинным ножом в руке.

— Не подходи, — негромко сказал он, и свет блеснул на лезвии. — Я не дамся.

— Тихо, тихо, тихо, — быстро проговорил Герман. — Ты кто? Как ты сюда попал?

— Прочь с дороги, — приказал человек. — Ну?!

И головой вперёд, как в воду, кинулся на Германа. Тонечка взвизгнула.

— Стой, кому говорю! — Герман перехватил руку с ножом, выбил, нож дзинькнул и покатился. Человек дёрнулся, вывернулся, странно извиваясь — в руках у Германа осталась куртка, — и помчался к лестнице.

Какое-то молниеносное движение, сдавленный крик, и человек кубарем покатился вниз.

Герман ринулся за ним, следом Тонечка.

Человек сидел на полу возле лестницы, держался за локоть и скулил.

— Вставай, — сказал ему Герман. — Или ты ноги переломал?

Незнакомец неуклюже поднялся.

Тонечка подумала, что все драки в сценарии нужно срочно переписать. Нынешняя возня с незнакомцем так отличалась от киношных драк! Неприлично писать такие глупости, которые она писала до сегодняшнего дня. В жизни так не бывает...

— Иди туда, — Герман подтолкнул человека к кухне и повернулся к жене: — Что ты сделала? Почему он упал?

Тонечка пожала плечами с независимым видом.

— Подножку поставила, — сказала она и зачем-то отряхнула свитер. — Мы в университете всё время на

«Динамо» бегали, и мне всё время подножки ставили. Я плохо бегала! И всё время падала. И решила тоже научиться и всем ставить!

— Молодец, — похвалил Герман. — Научилась.

Незнакомец стоял посреди кухни, ссутулив плечи и опустив длинные, словно обезьяньи, руки.

— Ты кто такой? — Герман взял стул, уселся и положил ногу на ногу. — Как ты сюда попал?

Человек дёрнул шей, и только тут Тонечка его рассмотрела. Он был совсем юный и какой-то... грязный, словно никогда не умывался. Сальные волосы косицами свешивались на лоб, на впалой щеке то ли шрам, то ли пятно. И лицо словно из острых углов.

— Я... эт самое... почапаю, — заговорил человек хрипло. — А? Ты меня не видел, я тебя не видел. Досвидос. А?

— Поговорим, и почапашь, — пообещал Герман. — Ну? Кто ты такой? Как в дом попал?

Человек пожал плечами. Скулы у него постепенно наливались нездоровой краснотой.

Тонечка соображала.

Взяла стул, подвинула парню и велела ему:

— Садись. Как тебя зовут?

Тот усмехнулся.

— А тебя?

— Меня Антонина Фёдоровна, — сказала она, не дрогнув. — А это Александр Наумович.

Парень вдруг хохотнул:

— Еврей, что ли?..

— Как тебя зовут?

— Петя. Или Вася. Чё ты мне сделаешь, мужик? — вдруг напал он на Германа. — Я ща пойду, ты чё, наручники на меня наденешь?

— Надаю по заднице, — ответил Герман равнодушно, и это равнодушие, казалось, задело парня. — И сдам в участок. Ты как в дом попал, Петя или Вася?

— А ты как, дядь?

— Мне хозяин ключи оставил. Тебе тоже оставил?

— Открыто было!

— Не брешу.

Тонечка, стараясь быть как можно менее заметной, обошла их по кругу, вышла в прихожую и на всякий случай заперла входную дверь — мало ли, вдруг на самом деле побегит? Потом тихонько поднялась на второй этаж, подобрала нож, внимательно его осмотрела, понюхала и осторожно прошла в комнату — ту, где было открыто.

Быстро вышла оттуда и сбежала по лестнице.

Внизу дело никуда не продвинулось.

— Отцепись, дядя, — гундосил парень. — Хошь, пойди проверь, я ничего не крал, блин!..

— Как ты вошёл? Кто тебя пустил?

Тонечка положила руку мужу на плечо и тихонько нажала. Он посмотрел вверх, на неё.

— Ножом из раскладки он резал колбасу, — сказала жена негромко. — В спальне.

...Другой, что ли, нож найти не мог, зачем он полез в раскладку? И почему он поперся на второй этаж? — мелькнуло у нее в голове.

— И чё?! — вскинулся парень. — Я жрать хотел! И щас хочу!.. Нельзя, что ль?!

— Можно, можно, — успокоила Тонечка. — Ты расскажи нам, как всё было, и мы от тебя отстанем.

Герман вдруг на что-то решился. Тонечка почувствовала это ладонью — плечо под её рукой дрогнуло и окаменело.